

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ» В РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А.Н. Фалалеев (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье в критическом плане рассматривается поддерживаемая в некоторых научных публикациях и в части управленческих структур идея существования в современной России так называемого «образовательного пузыря», т.е. избыточного числа лиц, занятых в нашей экономике и социальной сфере с высшим образованием. Автор приводит аргументы экономического и социального характера в пользу

необходимости дальнейшего наращивания интеллектуального потенциала России через качественное и количественное развитие системы высшего образования, а не сужения масштабов подготовки лиц, обучаемых в ней.

Ключевые слова: «образовательный пузырь», рынок труда, рынок образовательных услуг, высшие учебные заведения, миссия образования, интеллектуальный ресурс.

Последняя треть XX в. и начало XXI в. знаменуют собой глобальное ускорение темпов социально-экономического развития на основе широкого внедрения революционных по своему характеру информационно-коммуникационных технологий получения и передачи новых знаний, что в большой мере обуславливает и переход к новому типу экономики, что характеризуется как «экономика, основанная на знаниях», или кратко «экономика знаний», а само общественное устройство в этой связи приобретает характер «образовательного общества».

С учетом этой общемировой тенденции, по меньшей мере, весьма неоднозначно звучит довольно настойчиво распространяемое мнение о существовании ныне в нашей стране, как и в ряде других стран, так называемого «образовательного пузыря», т.е. определенного объема избыточных знаний вместе с совокупностью лиц в качестве их непосредственных носителей. При этом такое «перепроизводство» знаний рассматривается главным образом с позиций прямых работодателей, которые, как правило, предъявляют спрос на носителей этих знаний, навыков и умений с позиций их конкретной отраслевой принадлежности и потребностей сегодняшнего дня.

Как свидетельствует практика, о чем будет сказано позднее, долгосрочное стратегическое планирование в подготовке кадров на конкретных предприятиях и в организациях, как и на

отраслевом и региональном уровне, а тем более в масштабах страны, остается лишь благим пожеланием, а не всеобщим принципом кадровой политики на всех уровнях управления. Ведь, кроме озвученной ряд лет назад президентом В.В. Путиным необходимости создания в стране к 2020 г. 25 млн высококвалифицированных рабочих мест, пока фактически ни в разрезе регионов, ни в рамках важных отраслей экономики и направлений социальной сферы нет сколько-нибудь выверенного в расчете на 10–15 лет вперед прогноза, а тем более плана подготовки кадров высокой квалификации.

При этом, однако, в силу различного рода причин активно стала муссироваться идея «образовательного пузыря». Сущность этого феномена и факторов его порождающих, как пишет один из его толкователей В.В. Вержбицкий, состоит в том, что в современном глобализованном потребительском обществе «производство образовательных услуг ВПО превращается в глобальное производство студентов. По сути, оно частично вырождается в спекуляцию на ожиданиях людей, готовых оплачивать собственные надежды на лучшее будущее без реальных гарантий его осуществления. Это и есть раздувание «образовательных пузырей», неминуемо приводящее к жестким кадровым дисбалансам на рынке труда [Вержбицкий, 2016, с. 23].

В эпоху глобализации, как отмечает автор, стало особенно заметно раздувание «глобального пузыря» в сфере ВПО, который ак-

тивно подпитывается потоком дипломированной миграции из стран, где еще недавно царил едва ли не повальная неграмотность, а сейчас там «образовательные пузыри» надуваются сильнее, чем в развитых странах. Разработчики идей «образовательных пузырей» [Балацкий, 2014; Reynolds, 2012] усматривают ряд причин их возникновения и развития. В самом общем виде эти причины, как и формы их проявления, или, как часто выражаются некоторые авторы, «модели возникновения образовательных пузырей», можно свести к следующим.

Во-первых, выделяются экономические аспекты. Они состоят в том, что в интересах получения более высокого образовательного статуса и соответствующего места работы по окончании вуза молодой человек и его родители предпринимают большие усилия для поступления на престижные специальности в вузы даже при ограниченном числе бюджетных мест с расчетом на компенсацию расходов на образование после окончания учебы. С другой стороны, и сами вузы в большинстве своем фактически поддерживают такие надежды, расширяя прием на такого рода профили подготовки без какого-либо учета реальной потребности в них страны, региона, а лишь руководствуясь чисто экономическими интересами по привлечению внебюджетных средств при существующем скудном бюджетном финансировании. Однако после окончания вуза выпускник очень часто не может найти вакансию в соответствии с направлением своей подготовки, а значит, и компенсировать затраты на обучение, что весьма негативно сказывается на престиже высшего образования вообще и конкретного вуза, как и профиля подготовки, в частности.

В результате, как констатирует В.В. Вержбицкий, «главная опасность, которую несут с собой кадровые дисбалансы и «образовательные пузыри», – это моральный крах системы ВПО, т.е. радикальное обесценивание профессионального образования, профессиональной квалификации и профессиональной этики в общественном мнении участников образовательного процесса (студентов, преподавателей, ад-

министраторов образования) и широких слоев общества [Вержбицкий, 2016, с. 26]. Это проявляется в форме потери уважения к полученной профессии, и более того, сами знания, умения, кругозор в глазах обучающихся и обучающихся теряют практическую и смыслодержательную ценность и рассматриваются лишь как формальность. Отсюда и сам образовательный процесс превращается в пустую формальность, порождая поток фальсификаций и связанной с этим коррупции.

Моральный крах системы ВПО, как считает автор, порождает быстрый рост числа вузов, студентов, выпускников, что ведет к депрофессионализации самого ВПО, и «образовательные пузыри» могут достичь гигантских размеров. В итоге моральный кризис начинает перерастать в моральный крах системы, так как с этого момента начинаются ее собственный распад и мощная деградация других социальных систем, для которых ВПО поставляет кадры, включая все уровни образования, науку, а также порождает кризисные явления не только в социальной сфере, но и в экономике.

Какой же общий вывод делают исследователи «образовательных пузырей» после описания столь мрачных процессов в системе ВПО? Признавая значимость реальной (но не формальной) образованности людей как неотъемлемого компонента социального капитала любого общества и безусловного блага, В.В. Вержбицкий, например, категорично утверждает: «Однако к росту реальной образованности и накоплению социального капитала ведет только такое развитие системы ВПО, которое связано с реальным развитием экономики (на выходе) и с реально достигнутыми образовательными уровнями людей, вовлекаемыми в эту систему (на входах). Искусственное же раздувание системы ВПО, т.е. “образовательный пузырь” приводит лишь к описанным социальным извращениям, деградации и краху» [Вержбицкий, 2016, с. 30].

В качестве универсального социального критерия наличия / отсутствия образовательного пузыря предлагается рассматривать степень

соответствия между объемами и номенклатурой подготовки кадров в системе ВПО, с одной стороны, и долгосрочным платежеспособным спросом на квалифицированные трудовые ресурсы в экономической единице (в отрасли, регионе, стране или в группе стран, входящих в экономическое объединение со свободным перетоком трудовых ресурсов), обслуживаемой данной системой ВПО, – с другой. Или в иной интерпретации «универсальным достаточным критерием наличия в экономической единице «пузыря» в сфере профессионального образования может служить устойчивая худшая занятость и / или ее оплата среди лиц, получивших образование уровня №, по сравнению с лицами с образованием более низкого уровня (№ 1) [Вержбицкий, 2016, с. 32].

Опираясь на этот критерий, автор в ряде таблиц представил, как он осторожно отметил, «предварительную экспертную оценку» наличия «образовательных пузырей» в целом ряде стран, где среди европейских государств в лидерах оказались Португалия, Греция, Кипр, а избежали их Великобритания, Германия, США, Франция. Наша страна оказалась «на самой грани фиксации тотального «образовательного пузыря» с показателем его степени 0,5 %, т.е. это свидетельствует, что во многих отношениях «пузырь» уже основательно надут.

Сторонники идей существования «образовательных пузырей» имеются не только в рядах исследователей, что можно было бы считать вполне естественным, т.к. это демонстрирует право ученых на собственное видение имеющихся проблем, в данном случае в сфере образования, с особым акцентом на системе высшего образования, привлекая этим самым внимание широкой общественности к обсуждению сложившейся здесь ситуации и к поиску путей преодоления выявленных проблем и противоречий. Однако мнение о наличии «образовательных пузырей» и необходимости борьбы с ними самыми радикальными способами разделяют и некоторые влиятельные представители верхнего эшелона российской власти, что затем получает практическое отражение в со-

кращении числа вузов и студентов, обучающихся на бюджетной основе, да и вообще в уменьшении доли в бюджете РФ расходов на образование, что абсолютно не приемлемо для общества, где провозглашены курс на инновационное развитие и переход к экономике, основанной на знаниях.

Так, О. Голодец – заместитель председателя правительства РФ по социальным вопросам, отвечающая за реализацию решений в сфере образования, во время посещения Всероссийского учебно-тренировочного центра профессионального мастерства на базе детского Центра «Смена» в г. Анапе заявила, что примерно две трети россиян не нуждаются в высшем образовании: «У нас есть просчитанный баланс, и этот баланс составляет примерно 65 на 35 %, т.е. 65 % – это люди, для которых не требуется высшее образование, и 35 % – специалисты. В дальнейшем эта пропорция будет меняться в сторону увеличения доли специалистов, для которых не требуется высшее образование (АиФ. 2017. № 37. С. 27).

Таков, по мнению одного из руководителей правительства, запрос нынешней модели нашей экономики и удручающий прогноз на будущее. В случае его реализации российский рынок труда обрекается на все большее отставание от общемировых требований нарастающей волны четвертой промышленной революции с повышенным спросом на специалистов в области цифровых технологий, роботизации, искусственного интеллекта, организаторов производства нового типа, которых подготовить может только современная высшая школа. Указанное выше заявление вице-преьера лишний раз свидетельствует о сохраняющемся фактически стихийном характере функционирования нашего высшего образования, как и рынка труда, между которыми отсутствует хотя бы подобие системы синхронизации. А в самой динамике российского рынка труда наблюдается негативная тенденция, отражающая общий низкий уровень конкурентоспособности отечественного научно-производственного потенциала.

Как свидетельствует официальная статистика, в современной России наблюдается весьма

негативная деформация структуры занятости. Так, например, с 2000 по 2015 г. в нашем обрабатывающем производстве, где в большей степени создается добавленная стоимость, что очень важно для пополнения бюджета страны, численность занятых сократилось с 12 297 тыс. до 9 840 тыс. человек, т.е. стала меньше почти на 2,5 млн человек. И в сельском хозяйстве число занятых упало с 8 996 тыс. до 6 297 тыс., т.е. падение составило 2,7 млн человек. Одновременно финансов стало больше практически вдвое (с 657 тыс. до 1 278 тыс. человек), а занятых торговлей возросло наполовину (с 8 806 тыс. до 12 890 тыс. человек) [Российский статистический ежегодник, 2016.]. Всего с 1992 г., то есть с начала радикальных реформ по настоящее время, число занятых в реальном производстве сократилось более чем на 17 млн человек.

Такая деформация занятости трудовых ресурсов в современной России – итог закрытия 80 тыс. промышленных предприятий, многие из которых были флагманами отечественной экономики. И это никак не может быть оправдано общемировой тенденцией постепенного перетока рабочей силы из сферы производства в непроизводственную сферу под воздействием НТП, роста производительности труда,

поскольку за годы реформ у нас объем производства просто упал практически наполовину и в целом еще не достиг дореформенных показателей по многим важнейшим видам производства, как, например, станкостроение. И по производительности труда мы остаемся в числе мировых аутсайдеров, как и по показателям доли инновационной продукции.

Всесторонний анализ важнейших позиций, характеризующих уровень конкурентоспособности нашей экономики, особенно той части, где отставание России от предельно критических параметров составляет особую угрозу экономической безопасности страны, дан в глубоком по содержанию и убедительном в части доказательной базы докладе академика РАН, советника президента РФ С. Глазьева, который был им подготовлен вместе с рядом ведущих экономистов страны в сентябре 2015 г. для Совбеза [Глазьев, 2015].

В силу ограниченных масштабов статьи нет возможности хотя бы кратко представить все разделы этого обстоятельного доклада, поэтому ограничимся лишь фрагментами приведенной там в Приложении 5 очень впечатляющей таблицы, содержащей оценки, характеризующие конкурентоспособность российской экономики.

Оценки, характеризующие конкурентоспособность российской экономики

Estimates characterizing the competitiveness of the Russian economy

	Предельно критическое значение	Фактическое состояние 2013 г.	Соответствие
Доля инновационно-активных предприятий (%)	40	10,1	В 4 раза хуже
Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте (%)	50	23	В 2,17 раза хуже
Отгруженная инновационная продукция (% ко всей промышленной продукции)	15-20	8,9	В 2 раза хуже
Доля новых видов продукции в общем объеме машиностроительной продукции (%)	7	2,6	В 3,7 раза хуже
Расходы на научные исследования (% к ВВП)	3	1,5	В 2 раза хуже
Среднегодовой темп прироста производительности труда (%)	6	3	В 2 раза хуже
Удельный вес российской высокотехнологической продукции на мировом рынке (%)	3	0,3	В 10 раз хуже
Доля интеллектуальной собственности в стоимости бизнеса (%)	25	10	В 2,5 раза хуже
Доля государственных расходов на экологию в ВВП (%)	5	0,8	В 6,3 раза хуже

К большому сожалению, за прошедшие несколько лет по сравнению с 2013 г., представленным в таблице, общее состояние нашей экономики не претерпело радикальных позитивных изменений, о чем свидетельствует хотя бы такой обобщающий показатель сохраняющегося критического состояния нашей экономики, как большой разрыв в производительности труда (в 3,7 раза) между Россией и США, который, по имеющимся расчетам, на 34 % объясняется более высокой капиталовооруженностью в США (в 3,2 раза выше российской) и на 65 % – более высоким уровнем технологий (в 2,3 раза) [Зайцев, 2016, с. 82].

Сдерживающим фактором в дальнейшем углублении такого разрыва в производительности труда и одновременно очень важным ресурсом в ее повышении в будущем является еще сохраняющееся достаточно высокое качество человеческого капитала, потенциал которого во многом как раз и обеспечен нашей высшей школой. При этом следует иметь в виду, что наличие высококачественного человеческого капитала на рынке труда формирует его предложение и в соответствии с идеями эндогенного роста само стимулирует производство [Goklin, Katz, 2010].

Таким образом, как с позиций сохранения и приумножения высокого качества человеческого капитала, так и в интересах повышения конкурентоспособности нашей экономики на мировой арене ни о каком «образовательном пузыре», т.е. об избытке интеллектуального потенциала в РФ не может идти речь. Проблемной здесь остается лишь оптимизация качества подготовки и структуры выпускаемых вузами специалистов, бакалавров, магистров с учетом потребностей не только и не столько сегодняшнего дня, но и на перспективу в 5–10 и более лет в целях инновационного социально-экономического развития страны в соответствующий период. При этом должен выдерживаться принцип опережающей подготовки высококвалифицированных кадров, способных обеспечить инновационный прорыв во всех сферах жизни общества и ускоренный переход всей экономической политики в стране от этапа догоняющих технологий и даже этапа заимствования новых технологий к самому

перспективному этапу создания отечественных передовых технологий, следуя провозглашенной концепции импортозамещения. Это требование полностью соответствует общему смыслу Федерального закона № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в РФ», где, в частности, в статье 22 отмечено, что прогноз научно-технологического развития РФ «разрабатывается каждые 6 лет на 12 и более лет» со всем комплексом показателей развития, включая кадровое обеспечение. Соответствующее требование, касающееся прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, представлено в статье 24 этого Закона [Федеральный закон..., 2014], что в полной мере относится и к системе нашего образования, хотя вузы в пределах своей компетенции до сих пор непосредственно не включены в процесс реализации этого закона.

Вместе с тем острая необходимость такого рода разработок становится все более актуальной. С учетом этого, например, в мае 2017 г. правительство Красноярского края совместно с Советом ректоров вузов края рассмотрело очень важный для инновационного развития региона проект: «Кадровое обеспечение технологического лидерства» («Кадры для передовых технологий»), где в одном из его разделов было определено «Формирование прогноза потребности инновационных, высокотехнологичных отраслей экономики региона в квалифицированных кадрах». И в качестве результата реализации этой задачи предполагалось дать «количественный прогноз уровня потребности в специалистах по каждому из приоритетных направлений (специальностей) подготовки в период до 2025 г. К сожалению, в намеченные сроки (до 01.08.2017) этот раздел проекта не был реализован, в том числе, очевидно, и в силу своей сложности. А между тем в таком прогнозе остро нуждаются прежде всего образовательные организации различного уровня, особенно вузы, которые ныне в большинстве своем фактически вслепую строят стратегию развития в части количественной и качественной составляющей номенклатуры выпускаемых бакалавров и маги-

стров, хотя их подготовка требует минимум 4–5 лет только для учебы в вузе.

А пока краевые отраслевые структуры управления зачастую даже в год выпуска специалистов из вуза не могут точно определить главные параметры спроса на специалистов соответствующего профиля, не говоря уже о заказе на них на перспективу хотя бы в 3–5 лет, а тем более на отдаленный период. Такое положение дел с полным основанием можно рассматривать в качестве одной из причин бытующего в различных кругах общественного мнения идеи об «образовательном пузыре», т.е. об избытке среди используемого в стране человеческого капитала лиц с высшим образованием. Здесь, с одной стороны, вообще отсутствует точная информация о масштабах спроса на них, а с другой – в подавляющем большинстве случаев, если отдельные предприятия или организации и осуществляют целевую подготовку кадров в вузах, то в абсолютном большинстве они в своем заказе ориентируются на работников с набором компетенций, отражающих требования сложившегося ныне состояния экономики и социальных отраслей, а не с учетом перспектив развития НТП на более отдаленную перспективу, т.е., как уже отмечалось, такой подход в постановке кадровой политики консервирует отставание нашей экономики по уровню производительности труда и другим показателям инновационного развития от многих развитых стран.

С учетом существующих в РФ серьезных проблем в развитии техники и технологии производства само образование, системой которого обеспечивается интеллектуальный потенциал, предстает ныне в качестве стратегического по своему характеру ресурса для всего социально-экономического развития страны. Такой характер этого ресурса вытекает из специфики как его формирования, так и использования, поскольку накопление интеллектуального потенциала через систему образования – это достаточно сложный и растянутый по времени процесс, нуждающийся в постоянной коррекции в части его содержательной составляющей, исходя из потребностей его использования не только и не столько

лишь сегодняшнего дня, а с учетом главных тенденций общемирового развития на долгосрочный период.

Поэтому оценивать количественную массу этого потенциала, т.е. степень его достаточности, а тем более избыточности только с позиций сложившихся ныне потребностей чревато самыми серьезными негативными последствиями для всего инновационного развития страны, включая как ее экономическую, так и социальную сферу.

Такое искаженное представление об избыточности интеллектуального потенциала в современной России, а конкретно – масштабов его высшего образования, вытекает не только из ориентации его сторонников на узко прагматические текущие потребности, но и имеет более глубокие методологические истоки, поскольку фактически исходит из абсолютизации рыночных экономических отношений в современной России, целиком распространяя их и на систему высшего образования, где из общественного блага, получение которого гарантировано Конституцией РФ, оно в значительной мере превращается в «образовательную услугу», реализуемую по законам рынка. Не случайно поэтому одним из важных показателей эффективности вузов, утвержденных Минобрнауки РФ при их аттестации, стала востребованность их выпускников на сложившемся рынке труда, а следовательно, и степень ориентированности на этот рынок и действующих там соответствующих образовательных программ. Однако при существующей серьезной деформации отечественного рынка труда и чрезмерной привязки к нему всего нашего высшего образования само очень емкое и глубокое понятие «образование» заменяется узко приватным понятием «компетенции», которые востребованы работодателем, при этом бизнес фактически отодвигает в сторону такую миссию образования первостепенной общественной и индивидуальной значимости, как формирование всесторонне развитой личности.

Очень убедительно в этой связи против узко-утилитарного подхода к высшему образованию выступил в одном из интервью ректор МГУ, академик РАН В. Садовничий: «Специализация в

ущерб базовому объему знаний приводит к искаженной подготовке человека к жизни. Он не может правильно выбрать свой путь, если не имеет базовых знаний в хорошем объеме. А еще он не сможет сменить род деятельности, в случае если его нынешняя специальность по каким-либо причинам перестает быть востребованной, – ведь мир сейчас меняется с немыслимой скоростью. Заслуга и мощь советской системы образования была в том, что она давала очень мощную базу знаний. А потом мы все это потеряли» [Ректор МГУ..., 2017, с. 3].

Созвучны с этим выводом академика В. Садовниченко и мнения многих других исследователей актуальных проблем современного образования, к числу которых с полным правом относится, например, и ректор Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы Р.М. Асадуллин, который в своей монографии «Человек в зеркале образования» констатирует: «На смену образованию индустриального общества, которое предусматривает подготовку специалистов для профессиональной деятельности в основном – для производства валового типа, сегодня приходит формат образования постиндустриального общества – индивидуализированного, креативного, соответствующего мобильному инновационному производству и главное – культуре, признающей приоритет интересов личности» [Асадуллин, 2013, с. 5].

Отмеченные В. Садовничим потери стали результатом либерально-рыночных реформ 90-х гг. и насаждения идеологии и политики традиционного потребительского общества, где господствует рыночный прагматизм. Под его воздействием серьезной трансформации подверглась и вся отечественная система образования. Здесь во все ее звенья стали внедряться рыночные отношения, при которых в значительной мере образование граждан на всех стадиях их жизни из общественного блага превратилось в образовательные услуги, строящиеся на платной основе. Вместе с тем, как с большой тревогой отмечается в ходе массовых социологических опросов, и в самом содержании отчетливо прослеживается «новая вульгарно-либерально рыночная

ориентация образования, его развитие как средства обеспечения бизнеса, предпринимательства, максимальной прибыли, способностей успешного человека получить ее любыми средствами» [Григорьев, Миронова, Петрова, 2016, с. 57].

При этом надо учитывать серьезные негативные изменения отечественного рынка труда, где, как в кривом зеркале, отразились отрицательные последствия послереформенных изменений в структуре нашей экономики, поскольку доминирующие позиции здесь заняли предприятия топливно-энергетического комплекса, а в сфере услуг – предприятия торговли. В этих условиях подчинение системы высшего образования сложившемуся ныне рынку труда оборачивается в мощный прессинг, в целом негативно влияющий на качество человеческого капитала, всего комплекса личностных качеств человека труда. Ведь, как показывают расчеты, в нашей обрабатывающей промышленности, где, как уже отмечалось, создается значительная часть добавленной стоимости и где в целом более востребован высококвалифицированный труд, доля занятых с 2000 г. по настоящее время сократилась с 20 до 15 % занятых, а в торговле, напротив, возросла с 15 до 21 %. Так, если в 2005 г. в производстве электронного, оптического и электрооборудования на крупных и средних предприятиях было занято 780 тыс. человек, то в середине 2016 г. – только около 630 тыс. чел., т.е. сокращение составило 20 % [Гимпельсон, 2016, с. 131–132]. Вместе с тем крайне мала в экономике доля работников, занятых исследовательской деятельностью, НИ-ОКР. Так, численность исследователей на 10 тыс. занятых в экономике разных стран составляет: Израиль – 174 чел., Финляндия – 157, США – 87, Греция – 75, Россия – 66 (31-е место) [Индикаторы науки, 2016, с. 253]. Естественно, что без опережающего формирования через систему высшего образования достаточно широкого резерва потенциальных исследователей с высшим уровнем их общего интеллектуального развития, как и специальной подготовки, способных активно включиться в процесс инновационной модернизации реального сектора экономики, как и других важных сфер жизни общества, в России будет проис-

ходить консервация старых технологий в ключевых отраслях производства, характерных еще для доминирующего в нашей стране третьего технологического уклада, тогда как в передовых странах уже активно внедряются компоненты пятого технологического уклада с элементами перехода к шестому укладу.

В этой связи представляется ошибочной практика исключения или резкого сокращения в учебных планах подготовки специалистов, бакалавров, магистров объема базовых дисциплин, за счет которых, наряду со специальными знаниями и умениями, достигается высокий уровень накопления общего интеллектуального потенциала, который для выпускников вуза в современных быстро меняющихся условиях становится своеобразным золотым запасом, надежным ресурсом, значимость и потребность в котором станет возрастать ускоренными темпами.

Обеспечить гармонизацию этого интеллектуального ресурса с конкретно возникшим спросом на особый вид высококвалифицированных кадров в реальном секторе экономики или в социальной сфере будет значительно легче и быстрее за счет использования мобильных форм дополнительного образования и структур повышения квалификации. В этом случае так называемый «образовательный пузырь» фактически станет выполнять роль одного из реальных источников восполнения постоянно возникающего под воздействием НТП дефицита творческих кадров, готовых к инновационной деятельности, если наша высшая школа переориентируется с подготовки узкопрофильных кадров, на подготовку широко интеллектуально развитых специалистов, хорошо ориентирующихся не только в избранной сфере деятельности, но и в смежных областях знаний и готовых творчески использовать их в своей практической работе.

С этих позиций не выдерживают критики идеи избыточного образования в стране, необходимости сокращения вузов и их студентов в РФ, поскольку они вступают в противоречие с необходимостью обеспечить переход к новому качественному этапу нашего развития, где станет реальностью экономика, основанная на знаниях.

Есть еще один очень значимый аспект, дающий основание критически относиться к идее избыточности знаний в нашей стране, существования «образовательного пузыря». Речь идет о чрезвычайно важной миссии образования в качестве немонитарного ресурса минимизации социально-экономического неравенства в нашей стране. Как свидетельствуют данные Росстата, в 2016 г. коэффициент Джинни у нас составил 0,414, а это значит, что разница в уровне среднего дохода у 10 % самых богатых граждан России и 10 % самых бедных составила около 16 раз [Российский стат. ежегодник, 2016]. Это превышает все допустимые пределы, поскольку, по мнению многих исследователей, превышение этого разрыва более чем в 8 раз уже чревато социальными потрясениями в обществе.

Имеется целый ряд факторов, лежащих в основе этого социально-экономического неравенства, одним из которых является образовательный ценз граждан.

Как показывает анализ, несмотря на всю согласованность рынка труда и рынка образовательных услуг, те, кто имеет высшее образование, чаще работают по специальности – 45 %, тогда как со средним профессиональным образованием таких 36 %, с начальным – 40 %. При этом в низкодоходных двух квинтильных группах преобладают те, у кого нет профессионального образования или оно только начальное, – их около 60 %, тогда как со средним профессиональным образованием здесь 44 %, а с высшим – только 25–29 % [Аврамова, Малеева, 2014, с. 114–160].

Хотя, следует отметить, что пока, к сожалению, как показывает анализ, средний размер заработной платы еще 5–6 лет назад у специалистов высшего уровня, имеющих высшее образование, лишь примерно в 2,5 раза превышает аналогичный показатель малоквалифицированных работников [Таюрский, Лобанова, Таюрская, 2017, с. 97].

Не трудно убедиться, что и в целях преодоления глубокой пропасти в социально-экономическом положении различных слоев населения в нашем обществе следует значительно облегчить доступ малоимущих граждан к выс-

шему образованию, где при сокращении общего числа бюджетных мест, при резко возросшей плате за внебюджетное обучение поступить в вуз им становится все сложнее. Поэтому и здесь идеи «образовательного пузыря» вступают в противоречие с необходимостью использовать такой эффективный немонетарный ресурс преодоления социально-экономического неравенства, каким является наше высшее образование. Следовательно, из стратегии социально-экономического развития страны и ее бюджетных документов должны быть исключены позиции, предусматривающие сокращение масштабов нашего высшего образования, его финансирования, а, напротив, заложены параметры на его развитие.

С учетом всего сказанного бытующие концепции «образовательного пузыря», избыточности в стране интеллектуального потенциала в виде высшего образования могут быть адресованы лишь к относительно малой части вузов, где качество подготовки выпускников привнесено в жертву стремлению любыми путями привлечь внебюджетные средства в копилку вуза. Им действительно не должно быть места в системе отечественного высшего образования. В этой связи в последние годы в стране ведется активная борьба за повышение эффективности вузов, в ходе которой общее их число, как и количество студентов, существенно сократилось. Так, если в 2010 г. в стране было 1 115 вузов, в том числе 653 государственных и 462 частных, где соответственно обучалось 5 849 тыс. и 1 201 тыс. студентов, то в 2015 г. осталось 896 вузов (530 – государственных и 366 – частных) и количество студентов сократилось и осталось 4 061 тыс. студентов в государственных вузах и 705 тыс. – в частных [Российский стат. ежегодник, 2016, с. 725]. И в последний год-полтора этот процесс продолжался достаточно высокими темпами.

Однако есть опасение, что в борьбе с действительно неэффективными вузами, которые, как пена, всплыли на волне тяги молодежи к высшему образованию, станет и дальше быстро таять накопленный ранее весь интеллектуальный потенциал страны, тем более что и ныне по показателям ИРЧП (индекс развития человеческо-

го потенциала) и ИЭЗ (индекс экономики знаний), где развитие образования играет ведущую роль, мы занимаем далеко не первые позиции в мире.

Как свидетельствует статистика и подтверждают знаковые фигуры для нашей высшей школы, включая ректора ВШЭ Я. Кузьмина: «В настоящее время финансирование высшего профессионального образования в России составляет 0,7 ВВП, а в развитых странах от 1 до 1,5 % ВВП». И как следствие, вытекающее отсюда, авторы констатируют, что «снижение объема и качества бюджетных услуг чревато в будущем деградацией образовательного и культурного уровня людей» [Акиндинова, Кузьминов, Ясин, 2016, с. 27–28].

На этом фоне, например, очень показательным представляется опыт Японии, где, не боясь никаких «образовательных пузырей», взяли курс на то, чтобы все рабочие места на их предприятиях были заняты лицами, имеющими высшее образование. Известны и яркие результаты такой кадровой стратегии, поскольку Япония стабильно находится на передовых позициях в создании и экспорте инновационной продукции, по внедрению НИОКР в производство, по высокой творческой активности членов трудовых коллективов и т.д.

В заключение представляется уместным напомнить, что в России в большом ходу очень емкое и глубокое по содержанию проявление народной мудрости, представленной в выражении: «Скупой платит дважды». И если сегодня мы станем с оглядкой на появление призрака «образовательного пузыря» экономить на развитии нашего высшего образования, как и всей системы образования и науки, то завтра столкнемся с многократно большими потерями экономического и социального характера, вызванными дефицитом интеллектуального ресурса в стране. В этом случае России будет уготована участь надолго оставаться в числе аутсайдеров по ключевым показателям ее социально-экономического развития, что мы не можем себе позволить в интересах повышения уровня и качества жизни всех ныне живущих граждан страны, а тем более в интересах будущих поколений.

Библиографический список

1. Аврамова Е., Малеева Т. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход // Вопросы экономики. 2014. № 7.
2. Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 5–35.
3. Асадуллин Р.М. Человек в зеркале образования. М.: Наука, 2013. С. 247.
4. Балацкий Е. Как из высшего образования в России раздули пузырь // Капитал страны. 2014. 14 ноября.
5. Вержбицкий В.В. Глобальные кадровые дисбалансы и «образовательные пузыри» // Экономика образования. 2016. № 3. С. 23–43.
6. Гимпельсон В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений. Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
7. Глазьев С.Ю. Создание системы обеспечения экономической безопасности и управления развитием России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 4. С. 12–26.
8. Григорьев С.И., Миронова С.В., Петрова Т.Э. Виталистская социология образования XXI века: социокультурный контекст России: монография. 2-е изд. М.: Изд. дом «Магистр-Пресс», 2016.
9. Зайцев А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67–93.
10. Индикаторы науки: 2016: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
11. Ректор МГУ В. Садовничий. О роли университетов в сохранении цивилизации // АиФ. 2017. № 32. С. 3.
12. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. Росстат. Р76М. 2016.
13. Таюрский А.И., Лобанова Е.Э., Таюрская М.В. Интеграция субъектов региональных рынков услуг непрерывного профессионального образования и труда как фактор готовности молодых специалистов к инновационной деятельности: кол. монография. Красноярск, 2017.
14. Федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.
15. Goklin, Katz. The race between education and technology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.
16. Reynolds G.H. The higher education bubble. New York: Encounter Books, 2012. С.56.

“EDUCATIONAL BUBBLE” IN RUSSIA: MYTH OR REALITY?

A.N. Falaleev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article critically examines the idea of the so-called “educational bubble” in modern Russia, which is supported in some scientific publications and in the field of administrative structures. By the “educational bubble” we mean the excessive number of persons with higher education employed in our economy and social sphere. The author cites economic and social ar-

guments in favor of the need to continue building up Russia’s intellectual potential through the qualitative and quantitative development of the system of higher education, rather than narrowing the scope of training for students.

Key words: “*educational bubble*”, *labour market*, *educational services market*, *higher education institutions*, *education mission*, *intellectual resource*.

References

1. Avraamova Ye., Maleeva T. (2014). On the Causes of Socio-Economic Inequality Reproduction: What Does a Resource Approach Show?, *Issues of Economics*, 7, 114–160.
2. Akindinova N., Kuz’minov Ya., Yasin E. (2016). Russia’s economy: Before the long transition, *Issues of Economics*, 6, 5–35.
3. Asadullin R.M. (2013). Man in the mirror of education. Moscow, Nauka, 247.
4. Balatsky E. (2014). How higher education in Russia was inflated into the bubble // the Capital of the country.
5. Verzhbitsky V.V. (2016). Global staffing imbalances and “educational bubbles”. *The Economics of education*, 3, 23–43.
6. Gimpel’son V.E. (2016). Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts, *Issues of Economics*, 10, 129–143.
7. Glaz’ev S.Yu. (2015). The establishment of a system of economic security and management of development of Russia // *Management and business administration*, 4, 12–26.
8. Grigor’ev S.I., Mironova S.V., Petrova T.E. (2016). The Vitalistic Sociology of Education in the 21st Century: The Sociocultural Context of Russia, monograph. Magistr-Press Publishing House, 101 p.
9. Zaitsev A. (2016). Cross-country differences in productivity: the role of capital, technology level and natural resource rent. *Issues of economy*, 9, 67–93.
10. Science Indicators: 2016. Collection of articles. (2016). Moscow, HSE, 253 p.
11. Reynolds G.H. (2012). The higher education bubble. New York: Encounter Books, 56.
12. Sadovnichy V., Rector of MSU. On the role of universities in preserving civilization. (2017). *AiF*, 32, 3.
13. Statistical Yearbook of Russia. Collection of articles. (2016). Russian Federal State Statistics Service – P76M, 725.
14. Tayurskiy A.I., Lobanova Ye.E., Tayurskaya M.V. (2017). Integration of regional market entities for continuing professional education and labor services as a factor in the readiness of young specialists for innovation activity, Krasnoyarsk, 97 p.
15. Goklin, Katz. (2010). The race between education and technology. Cambridge, MA: Harvard University Press.
16. Federal Law “On strategic planning In Russia” from June 28, 2014. No. 172–FZ.